

Дверь наполовину открыта. Лу Синъянь и Цзян Ваньи застыли, глядя друг на друга, и воздух между ними стал свинцовым.

Больше десяти лет назад, когда Лу Синъянь впервые услышал, что эта женщина станет его мачехой, их первая встреча прошла куда как менее неловко, чем этот момент.

Цзян Ваньи явно всё увидела — альбом на полу раскрылся ровно на той странице, где Лу Синъянь и Цзян Цзи целуются так, что сомнений быть не могло.

И что самое странное — выглядело так, будто это она должна стыдливо опустить глаза и отвести взгляд. Она стояла с круглыми глазами, ни слова, ни движения, даже не попыталась поднять альбом.

Лу Синъянь был уверен: у неё в голове сейчас стучит «что это значит?», «почему они целуются?».

— Тётя... — выдавил он, голос охрип, дыхания не хватало.

И тут — как обухом по голове:

— Что стоишь столбом? Что случилось? — за спиной раздался второй голос.

Лу Юн вернулся.

Лу Синъянь даже шагнуть не успел — отец уже заглянул за его спину, понял, что тут что-то не так, обогнул сына и встал в дверях Цзян Цзи. Сначала он поймал взгляд своей жены. Потом Лу Юн опустил глаза и увидел альбом.

Это был не альбом. Это была граната без чеки.

Лу Юн уставился в страницы — и лёгкое, небрежное выражение на лице пропало. Он моргнул, нахмурился, наклонился и машинально полистал другие развороты.

— Это ещё что такое? — выдавил он наконец.

Он попытался перевернуть ещё страницу, но Лу Синъянь вырвал альбом у него из рук:

— Не смотри!

— ...Что это за чёрт? — Лу Юн сощурился. — Лу Синъянь, ты что устроил?

Он ещё не осознал до конца, что именно видит — сознание медленно переваривало шок. Зато Цзян Ваньи уже всё поняла. По её лицу было видно: дошло.

— ...Это не то, о чём вы подумали, — прохрипел Лу Синъянь. Он так сильно сжимал альбом, что листы в его руках помялись.

— Мы просто... дурачились. Это фотки. Просто фотки — и всё. Ничего больше...

В голове гудело, как будто кровь шла обратно по венам. Перед глазами всё расплывалось. Он

пытался объяснить — но слова ломались в горле.

Он вцепился в этот альбом и дёрнулся к двери — хоть бы просто уйти, сделать вид, что ничего не было. Но два взрослых человека за спиной были вовсе не из тех, кого можно обвести вокруг пальца — пространство для лжи сдулось до нуля. Его «тайна» разлетелась на куски.

— Ты куда собрался! — Лу Юн повысил голос, что случалось нечасто. Лицо жёсткое, голос хлещет по ушам. — Лу Синъянь! Объяснись!

— Что тут объяснять? — буркнул Лу Синъянь, не оборачиваясь. — Всё сами видели. Ну поцеловались. Велика новость. Фотки и фотки.

«...»

Шум наверху докатился даже до кухни — домработница высунула голову, посмотреть, заварушка ли это или семейная драма. Семейная драма, мадам. Стопроцентная.

Лу Синъянь не успел спрятать лицо — и этого хватило, чтобы все поняли, как ему сейчас хреново. Вот оно, «каминг-аут» — как плевок себе под ноги. Все смотрят, все оценивают, и рта не открыть.

— Кто фотки так снимает?! — Лу Юн рванулся, попытался выдернуть альбом. — Дай сюда!

— Не дам! — отрезал Лу Синъянь, прижал к себе. Но отец был сильнее — началась нелепая возня, и в какой-то момент альбом вырвался и полетел по коридору с глухим «шлёп». Домработница взвизгнула, отскочила и нырнула обратно на кухню.

Всё. Конец спектаклю.

Лу Синъянь рванулся за альбомом, поднял и, как будто плюнул в лицо всем этим лицемериям, сунул его Лу Юну:

— На! Гляди! Хотел посмотреть — смотри! Любуйся сколько влезет!

Обычно он умел спорить с отцом, но таким взведённым и колючим Лу Юн его видел нечасто. Казалось, что виноват тут не сын, а весь остальной мир.

— Ну что? Шок, да? Два мужика целуются. Сенсация века! Давай, папа, смотри! Доволен теперь?!

«...»

Лу Юн остолбенел. Цзян Ваньи, белая как стена, сжимала рукой косяк двери — пальцы подрагивали. Хорошо ещё сердце не схватило обоих.

Лу Синъянь не дал им и шанса на вопрос:

— Чего замерли? Смотрите дальше! Это я целую Цзян Цзи! Всё понятно? Ещё что-то спросить? Давайте, я всё расскажу!

— Лу Синъянь! — взревел Лу Юн.

Но «недостойный сын» только дёрнул плечом и, даже не оглянувшись, пошёл вниз по лестнице.

Лу Юн и Цзян Вань, едва он спустился вниз, поплелись следом и застали его в гостиной. Лу Синъянь вжался в угол дивана, уцепился за пачку сигарет — отец бросил её на стол, когда вошёл домой.

Он выудил одну сигарету, хотел подкурить — но руки дрожали так, что зажигалка звенела о пальцы и едва не выпала. Он ведь и курить толком не умел — просто пытался за что-то уцепиться, чтобы не рухнуть.

Огонёк так и не появился — зажигалка плюхнулась на пол. Лу Синъянь поднял глаза — и увидел, что Цзян Вань, опустив голову, что-то быстро набирает в телефоне. В глазах темнота — понятно, кому она пишет. Она ищет Цзян Цзи.

— Не надо! — он резко вскочил, голос хриплый, но отчаянный. — Не трогайте его! Он ничего не знает! Это я виноват!

Цзян Вань замерла, палец всё равно нажал «отправить». Она подняла глаза — и этот взгляд был таким... никаким и всем сразу. В нём были и вопросы, и ужас, и что угодно.

Цзян Вань чем-то напоминала Цзян Цзи: черты похожи, и даже молчание у них одинаково тяжёлое. Обычно она была мягкой — но молча она становилась ледяной стеной.

Лу Синъянь раньше не боялся родителей. Сейчас — вдруг испугался. Он не хотел, чтобы этот взгляд упал на Цзян Цзи. Он рванулся оправдываться:

— Это я! Только я! Я сам его люблю! Он не знает! Эти фотки — это я его обманул!

Слова сыпались, как горох по полу:

— Он... он проиграл спор! Я заставил! Это просто шутка была! Он не понимает! Он не такой! Он не любит меня! Он вообще не любит парней! Вы... вы его не вините!

Вините меня.

Сил не осталось — он выдохся и осел обратно на диван. Весь мир трещал в висках.

Он даже не смел думать: всё, они с Цзян Цзи — конец? Шанса не будет? Он сам всё сорвал. Секрет был секретом ровно до того дня, пока они прятались. Но любая тайна когда-то взрывается — сегодня или завтра.

Кроме как расстаться — других вариантов у него не оставалось. Ну и ладно, пусть весь этот цирк Лу Синъянь тащит на себе один, нечего Цзян Цзи за собой волочить.

— Я не врал, — Лу Синъянь упёрся локтями в колени, прикрыл лицо рукой и проговорил глухо, сквозь пальцы: — Прошу вас, не спрашивайте больше. Раз уж всё раскопали — считайте, что ничего не было. Закройте глаза и спите спокойно.

Оба замолчали. Ну ещё бы — у них там в голове, наверное, планы срочной «перевоспитательной беседы» выстраивались. Как же, сынок оказался не по шаблону.

Он едва не подавился собственным комком в горле и ещё сильнее вжался в угол дивана — будто надеялся там исчезнуть. Голову поднимать он и не думал.

— Может, для вас это дико — пробормотал он, утыкаясь лбом в локоть. — Но что мне делать? Нравятся мне мужчины — всё тут.

Дальше он лишь крепче врал, уже не глядя, как Лу Юн и Цзян Вань переглядывались. Мол, он родился вот таким — неисправимым. Мужчины ему милее с самого детства. Цзян Цзи — не первый и не последний. Просто братец красивый — вот и потянуло погреться.

Слёзы катились, голос он сжимал, будто пытался заглушить собственное предательство. Очень старался звучать спокойно — но ухо чуткого родителя и так всё слышало.

На кухне в этот момент сковородка зашипела так, будто пыталась перекричать этот фарс. Бедная домработница, прекрасно знала, что ужин сейчас вряд ли кому-то нужен, но остановиться и глазеть на семейную трагедию — ещё глупее. Поэтому молча мешала ложкой и делала вид, что вся эта сцена её не касается.

Лу Синъянь слушал этот запах жареного лука и чеснока, вдыхал тепло дома — и понимал, что оно не его. Всё это — чужое. Он сбился на полуслове, замер, собрался с мыслями — и тут хлопнула дверь.

Кто ещё мог вернуться в такую минуту? Конечно же, Цзян Цзи. Лу Синъянь весь съёжился — вот теперь начнётся настоящее представление.

Цзян Цзи пришёл прямиком с работы — в строгом костюме без галстука, с телефоном и ключами в одной руке. В прихожей переобулся, будто дома всё так и должно быть — тихо, мирно.

Лу Синъянь смахнул слёзы, наконец поднял взгляд и, будто бы ни при чём, обернулся к Лу Юну и Цзян Вань:

— Ну что, есть ещё вопросы? Может, прямо сейчас протокол составим?

Цзян Цзи подошёл ближе, как если бы ничего не слышал. Лу Синъянь лишь продолжил свою исповедь, глядя сквозь него:

— По сути, я что — я ведь не хуже остальных? Ну нравится мне мужской пол — зато не таскаюсь по клубам, как эти ваши золотые мальчики, у которых новая подружка раз в неделю. Я всё всегда скрывал. Никогда вас не подставлял. И дальше не собираюсь. Я же...

— Лу Синъянь, — перебил его Цзян Цзи. Голос прозвучал ровно, но весил как топор.

Ну вот и всё — акт третий, занавес распахнут.

Лу Синъянь даже ухом не повёл:

— Я прекрасно знаю меру и своё место. Если вас троих до такой степени воротит от меня, так я могу хоть завтра вещи собрать. Свалю подальше — и не буду вам тут портить аппетит своим существованием.

— Ты вообще понимаешь, что несёшь? — Цзян Цзи перевёл взгляд на родителей. Цзян Вань ещё недавно шифровалась в переписке и объяснялась полунамёками, но теперь и слепому было ясно — обставить всё тихо не выйдет.

Всё разваливалось куда стремительнее, чем он рассчитывал.

— Цзян Цзи, подойди сюда, — позвала его Цзян Вань, голос — холодный, как край скатерти на поминках. — Объясни нам всё.

Но едва Цзян Цзи открыл рот, как Лу Синъянь подскочил с места, перекрикивая всех:

— Ему-то что объяснять?! Я что, не ясно сказал? Он понятия не имел, я его просто водил за нос! всю жизнь ненавидел его! Мне в кайф было смотреть, как он верит!

Если бы можно было, Лу Юн сейчас швырнул бы в него чайником. Вместо этого только зарычал так, что домработница на кухне чуть не выронила половник:

— И тебе не стыдно вообще?!

Лу Юн и Цзян Вань до конца не понимали, что тут за хитросплетения. Но одно знали точно — выудить хоть каплю правды из Лу Синъяня — всё равно что ловить рыбу в пустом ведре. Оставалось одно — повернуться к Цзян Цзи. Ну что, герой, выкладывай — кто тут кого и зачем обманывал.

— Я... —

Цзян Цзи только раскрыл рот, но Лу Синъянь тут же его рубанул:

— Не начинай. Не надо мне твоих спасительных речей.

...

— Больше всего меня бесит, когда ты лезешь в старшего брата. Я что хочу — то и делаю. Хочу — с мужиком, хочу — с девушкой. Тебе-то какое дело? Закрой рот, а?

Лу Синъянь выжал из себя максимум — больше он вытянуть за Цзян Цзи не мог. Цзян Цзи же не дурак, должен понять намёк: хочешь спрыгнуть с этого поезда — молчи и строй приличного сына. Родителям-то так проще.

Может, Цзян Цзи с самого начала это и собирался сделать, просто дёрнулся из жалости или какой-то там привязанности. Но в итоге всё равно сольёт.

Так что лучше сразу — резче отрезать, без этих соплей.

Лу Синъянь подобрал с пола зажигалку и сжал так, что костяшки побелели. Что там у него в руке — он и сам не понял. Просто хоть что-то держать, пока его самого не снесло с катушек.

Он боялся поднять глаза на Цзян Цзи. Вдруг там облегчение или эта отвратительная благодарность за красиво разыгранный спектакль.

Лу Синъянь встал и двинул к выходу — лишь бы из этого гробовища выбраться. Куда — уже неважно.

— Лу Синъянь!

Голос сзади — то ли отец, то ли старший брат. У Лу Синъяня всё гудело в ушах, будто сейчас вырубится.

— Лу Синъянь! — окликнули громче.

Кто-то резко дёрнул его назад — и в следующий миг он уже в знакомых руках.

Он вздрогнул, щекой зацепив волосы Цзян Цзи. Ледяная прядь обожгла кожу. Цзян Цзи шумно

втянул воздух — но ему не до шепота. Вместо этого он развернул Лу Синъяня лицом к родителям.

— Мама, дядя... — Цзян Цзи чуть поднял подбородок, будто пригвоздил их к стене. — Мы с Лу Синъянем любим друг друга.

Вот так, без купюр.

<http://bllate.org/book/12484/1112027>